

Андрей БИТОВ

В ЧЕТВЕРГ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

«Пушкинский фонд» • МСМХСVII

Санкт-Петербург

Как будто бы я умер, мир сжал...
В нем не было меня, и поемному
Он отшучался от того, что я
Присваивал, приписывая Богу.

Так чудно и прозрачно все во всем,
И на глазах последний контур тает.
Летать случайную на парашюте унесем:
На горизонте сверчки рассветает.

Как габриэлиан и халтурек взмах
Его мечты! Прушка... Как отбросно
Материя мерещится вгазвмах:
Сквозь нас выдать, коль мне себя не видно.

Концу конец — начало всех начал.
Мир так прекрасен, словно я в нем не был:
Прозрачные знаменья не считал
Со словом... а в начале было Небо.

И будто не бывало здесь меня...
... Кешит строка прощальная в конверте —
Какая тушь! — как будто бы два дня
Поглоще нить удастал после смерти.

А

Андрей БИТОВ

В ЧЕТВЕРГ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

дневник прозаика

«Пушкинский фонд» • МСМХСVII
Санкт-Петербург

Б 66

Марка издательства работы
Сергея Семенова

ISBN 5—85767—109—7

© А. Битов, 1997

Уже более сорока лет тому назад, в октябре 1956-го, подталкиваемый в спину Я. А. Виньковецким (1938—1984), я вошел в аудиторию Горного института, где заседало Литобъединение, руководимое Г. С. Семеновым (1918—1982), и мне среди них так понравилось, что на вопрос, что я пишу, испугавшись честно ответить, что ничего, я прочитал два стихотворения старшего брата Олега, таким образом начав свой путь как профессионал, не написав еще ни строчки: с плагиата. В ту же ночь, из боязни быть разоблаченным, уселся за поэму о том, что искусство отнюдь не народу принадлежит. Действие происходило в Эрмитаже, лесенкой, как у Маяковского. Поэму снисходительно похвалили, а братовы стихи нещадно изругали. Мне страстно хотелось от них откатиться, но тогда пришлось бы сознаться и в изначальном обмане. Таков был мой первый гонорар.

В Литобъединение входили не только «горняки», но и такие поэты, как Горбовский и Кушнер. Таковы были мои первые учителя и друзья. Но успехи мои не были таковы.

Писал я с упоением явно неадекватным, но все-таки был включен в ежегодный поэтический сборник Литобъединения, который был набран, сверстан и сожжен во дворе Горного института в июне 1957-го как идейно порочный. Такова была моя первая публикация.

Тогда же я был исключен из института. Хотелось бы, ради гласности, заявить, что за стихи, но честь дороже: за двойки. Я был слишком *упоен*. Как стихами, так и любовью. За что и обнаружил себя на нарах.

Кратковременная служба в рядах доблестных вооруженных... Я был вооружен топором и лопатой, обряжен в серое х/б и брошен за колючую проволоку. Хотелось бы и тут... что за стихи и в лагерь, но опять проще: шел взаимный процесс сокращения как лагерей, так и вооруженных сил, т.е. их переставляли местами: рационально было не считать стройбаты вооруженными силами, нерационально было не использовать пустующие зоны. Как очкарика с неоконченным высшим, не зная, куда приспособить, меня перебрасывали из зоны в зону и таким образом, задолго до чтения запрещенных, не напечатанных и еще не написанных книг, я проделал достаточно полную экскурсию по Гулагу, североамериканской его части, продолжая строчить стихи, вдохновленные тоской по невесте.

Набравшись таким образом опыта, пародирующего жизнь, я умудрился комиссоваться и осенью 1958-го обрел себя снова в Питере: восстановился в институте, женился и перешел на прозу, дав себе зарок никогда больше стихов не писать.

Я продержался 12 лет.

По окончании «Пушкинского дома», по инерции раскаленного пера, я написал шуточное посвящение одной даме и... стал использовать всякий повод для подношений и поздравлений, передавал лиру герою, имитировал перевод... все, что угодно, лишь бы сохранить гордую пози-

цию: я не поэт и никогда таковым себя не полагал. Слишком высоко я ставил звание Поэта, чтобы претендовать... и т.п.

Зато многочисленность профессионалов стала понемногу раздражать, и я выдвинул тезис *любительства*. Мол, есть поэты милостью Божьей, но их раз-два и обчелся, есть поэты с большой буквы, их несколько побольше, есть с маленькой, но и их не так много, есть т.н. профессионалы, есть графоманы, а есть и *любители* — утраченная при Советской власти, даже отрубленная (вместе с носителями), благородная, интеллигентная ветвь словесности. Прошу не путать любителя с... и т.д.

Итак, я себе *позволил*.

В 1980-м, загнанный после «Метрополя» в угол и не надеясь ни на какое будущее, находясь, независимо от этих обстоятельств, в очередном творческом кризисе, опасаясь беспорядочности посмертных публикаций, стал я копать «в грязном сундуке своем» и составил две книжечки из того, что печатать не собирался, даже если бы разрешили: «Первую книгу автора» (ранние рассказы) и «Ваза в ночи» (стихи). И в таком, уже сокращенном и упорядоченном виде, они вернулись в тот же грязный сундук.

Вместо естественного конца я дождался противоестественной гласности. И в прошлом году, отметив про себя сорокалетний юбилей «творческой деятельности» (1956—1996), рискнул и напечатал «Первую книгу автора» у Ивана Лимбаха.

Тогда же была опубликована и книга стихопрозы «Жизнь без нас» («Новый мир» 9/1996). И вот это был уже риск так риск! — книга была последней. И по счету, и по жанру.

Прятаться мне больше не за что, и, отмечая нынче уже собственное, а не чего-нибудь, шестидесятилетие, я иду и на риск последний... Предисловие к «Первой книге» смыкается здесь с этим вот...

Говорят, что от времени тексты улучшаются, приобретают дополнительную художественность... Не знаю, как говаривал Зощенко, не думаю. Но в документ они превращаются. Когда из соображений безопасности уже не пишутся ни письма, ни дневники, когда культура общения заменена пьянкой и телефоном, стихи мои стали, сами собой, всем этим — письмом самому себе во времени, тем, что я «имею обыкновение представлять место и дату»...

В книжке (которую вы держите в руках) я оставил свой самиздат 80-го года — «Ваза в ночи» — в том же виде, приплюсовав раздел «Намерение жить».

Прошу прощения у благосклонного, как говаривает Белла, читателя, а неблагосклонного...

28 декабря 1995 года в Нью-Йорке Иосиф сказал мне ни с того ни с сего так: «Тебе хорошо, ты можешь еще стишки писать...» Он не мог знать о моей слабости, и, потрясенный его пронизательностью, я изложил ему свои тезисы об утраченной культуре любительства: мол, любительские стихи иной раз переживают каким-то образом и т.н. профессиональные... «Это-то как раз понятно, — неожиданно вздохнул Иосиф. — В стихах — настолько всё известно!..»

Я не могу подвергнуть сомнению, что ему было известно всё.

I. ПОСЛЕ РОМАНА (1971)

«ДВЕНАДЦАТЬ»

(Конспект романа «Пушкинский дом»)

Добро, строитель Петрограда!..
Ужо тебе!..

Пушкин

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

Блок

Конь — на скале, царь — на коне —
на месте кажутся оне...

(Стоит, назначив рандеву
с Европой,

сторожит Неву

и, дальновидно, пенку ждет —
но молоко — у н а с уйдет!)

Под ними — змей! над ними — гений! —
мычит ужаленный Евгений:

бедняга напугал коня —
конь топчет змея и — меня.

Прошелся ветер в пиджачке,
проехал дождь в броневичке —

пока вскипало молоко,
мы оказались далеко:

«Подъявши лапу, как живые,
Стоят два льва сторожевые»,
на льве — герой мой (Лев на льве)
рисует «си» и «дубль-ве».

Итак, процессия Петра,
которой в гроб давно пора.

«Сии птенцы гнезда Петрова»
порхают.

Жизнь идет херово.

За внуком — дед, за бабкой — репка, —
и вождь вцепился в кепку крепко —

«Двенадцать!»! Ровно.

(Блок считал —

я пересчитывать не стал.)

Им разрешается по блату
прикладом бить по циферблату.

Часы отсчитывает — с л о в о!

Что ново нам, то вам — не ново,
                    читатель моего романа...
Однако — рано, рано, рано! —
бежит мой Лев в черновике,
за ним — наряд в грузовике:
                    «Для правды красного словца,
                    поймаем зверя на ловца!» —
но убежать герой мой должен! —
и мы процессию продолжим...

Идее предпочтя природу,
сочтем существенной — породу
                    (Петропольской погоды вред
                    нам оправдает этот бред),
и басню о Петре и змее
мы перепишем подобнее:
дождь, ветер и холод
                    и Годовщина —
достаточная суть причина
концу романа.

Эти метры
пройдем пешком, с дождем и ветром:
он рвет полотнище кривое,
фальшиво и простудно воеет,
и,
погоняемые флагом,
уйдем и мы нетрезвым шагом,
вслед за собою
                    цель маня...

Кто
в прошлом
вцепится
в меня?

.....

Двенадцать — ровное число,
и стрелки
                    временем снесло.

август
Рыбачий (б. Росситтен)

ДАМЕ, ЖЕЛАЮЩЕЙ МНЕ ПОНРАВИТЬСЯ

Знакомое лицо лиц завершение ряда.

За всё, за всё! — взимается награда...

Вы подняли жучка знакоменьким движеньем —

А это смерти оказалось приближеньем.

Уж мне знаком жучок! ясны повадки ваши,

И я не оживу. Со мной не сварить каши.

И ваш изгиб спины, и резвость приседанья —

Уже не вкус еды, а привкус приеданья.

И я уже не я — а кто-то и когда-то,

И вы уже не вы — предшественница МХАТа.

Жучок уже не тот — а копия жучка.

И рифмы бывшие кропит рукой рука:

«Печальной осени опознан ранний вид», —

Гибрид сей никого не удивит.

Листы календаря, и смена времен года...

Как стала повторяться ты, природа!

Какое все в тебе одно и то же!

На что ж тогда мое отчаянье похоже?

Желание уйти? «Пора, мой друг, пора»?

Ах, это было уже завтра! не вчера.

Ведь то, что может предложить природа,

Не наша с вами жизнь — а продолжение рода.

Травинкой прежнею не щекоти мне ухо:

Она уже росла. Щекотно мне — но глухо.

15 августа

Рыбачий

СМЕРТЬ НЕВЕСТЫ

(Из книги переводов «Преподаватель симметрии»)

1. Черновик

Но смерть, как смерть, легка,
А жизни не поправишь...
Река... рука... мягка...
Рояль без струн и клавиш.

(Сомнительна «река»...)
Рука без струн и клавиш...
Безжизненна рука...
А ртуть жива... (Не сплывишь...)

И смерть, как ртуть, жива —
Рояль стоит без клавиш,
И жизнь, как ты, мертва —
Рулем без лодки правишь.

Вот градусник разбит,
А зеркальце в руке —
Слепая ртуть дрожит,
Как зайчик в потолке...

(Никак не «в», а — «на»...)
Рояль приводит к гамме,
Как луч, дрожит струна,
И ртуть есть в амальгаме.

Жива одна строка —
В неоясненной драме:
«Но смерть, как смерть, легка»...
Светла. Кругла. И — Амен.

2. Подстрочник

Так он — Умер?
(Никто не может этого подумать — но подумали все.)
Простенькое дочкино зеркальце
поднесла она к губам,

чтобы никто не начал первый.

Она взглянула на него
и
в улетучивающемся облачке
отразилась
сама
и увидела
себя —

только себя
и не узнала.

Нет, это не зеркало поднесли к губам...

Это жизнь его на мгновение подошла к зеркалу
и отразилась в нем так легко,
как девушка,
уверенная в том, что ничто никогда не пройдет,
а моложе и прелестней
быть невозможно,
так...

лишь взглянет, почти неохотно,
что все так и есть

(и не могло быть иначе). —

Таким же плечиком промелькнет в нем,
как луч

(или случайный полет бабочки),
и так пролетит,
почти не коснувшись собственного отражения,
оставив тень прозрачного своего движения
в воздухе,
как падающую фату,
которую ткет она каждым своим мгновением
(каждое — венец,

вместе — саван)...

Даже сейчас,
когда в комнате никого не было
и отразиться было не для кого,
даже для себя,

потому что ее уже не было —
а лишь облачко, что она только что была,
только что вышла,
что ее можно найти сейчас в саду
(об этом в комнате была оставлена записка
из ветерка занавески,
нечитаной книги,
и надкушенного яблока) —
что она уже там

среди деревьев, под звездами
начертана
клинышками
на бересте —

так
она не отразилась,
а
покинула

зеркало...

Нет, не зеркала коснулось его дыхание
(или ветерок ее движения...) —

это зеркало
поднесли к губам
это жизнь его

на миг
отразилась в зеркале
и
узнав себя
узнав
что это она

покинула его
с той же легкостью
как
дыхание на зеркале.

Господи,
как быстро!

*21 августа
Рыбачий*

ЧЕТВЕРГ

И. П.

В четверг, когда
ко мне пришел сосед,
чтоб рассмотреть следы разгрома,
сосед был как всегда
высок и сед —
а я был дома.

Зря приходил ко мне сосед —
меня уже с тобою нет
тебя еще со мною нет —
давно...

...он не успел нам помешать. Среда
и вторник уж прошли. Они принадлежали
сегодня — лучшим временам, давно прошедшим.
Мне было все равно, на что не лень соседу
смотреть... Пожалуйста, любуйтесь!

Вот выгодная композиция,
свидетельствующая о разнообразнейшей позиции...
Вот кровать — которую я не успел постлать.
Вот селедки — хвост, окурки, смоченные в водке.
Вот ваза — которую я не донес до унитаза.
Вот кое-что в порядке:
так, натюрморт из ватки и помадки...
Любуйся, старый черт!

Ты думаешь, мы спрятаться хотели? Никогда!
Я однолюб и верный человек
на самом деле
с нетерпением жду жену, свою
одну, без мужа, чтоб
встречаться с ней в кино, в подъезде,
под дождем...
Гарантий никаких не выдается в прошлом
не можем мы сказать, что то, что было, —
было.

И вот — четверг. Вот дождь идет во имя
сестры жены любовника сестры жены моей...

приснившейся в четверг
после дождя...
Входи, мой друг!

здесь нету никого...

13 сентября
Невский проспект

ПОСЛЕДНИЙ СЛУЧАЙ ПИСЕМ

О. Ш.

I

Во сне заранее успели сообщить
мне о твоём приезде... Чорт!
проснулся слишком рано, опоздал
на, в рифму приблизительный, вокзал
едва поспел, ругая на чем свет
(едва светало...) слуг нерасторопность:
успели опоздать с такою вестью!

К часам был подан трап. Пришлось спуститься
и попадать в объятия поджидавших
меня каких-то крохотных вьетнамок:
«Прочь кыш! я не гурман!» — Они вспорхнули стаей,
корабль ушел, я опоздал безбожно
и казнь придумал лучшему слуге,
успевшему в меня до пробужденья:
ЗА РАСТОРОПНОСТЬ. Экая бездарность
старания прилежного у с п е т ь
и тиканьем отмерить время жизни,
лишая жизни — время... Как — за что!?
за то, подлец, что не щипнул служанку,
не выпил лишней кружки и успел,
не опоздал остаться в сна пространстве —
за дверью, с петухами остывая!

II

Так, наконец-то вырвавшись из бреда,
я резко сел, бессонно огляделся:
«Ну, ночка! ну и ну... помстилось просто». За ночь
мне кто-то поменял обивку на диване
и переставил стены. Там, напротив,
где я уснул вчера, — теперь прямоугольник,
поросший кустиками пыли... в этой чаше —
другой, геометрически подобный:
вниз адресом письмо, с крестом диагоналей...
Две нитки с уголков сходились в узелок —

то змей воздушный!.. — тоненькая нить
тянулася к окну. Окно слегка серело
и было как конверт... В пыли лежит окно,
и светится письмо в оконном переплете
и рвется в небо улететь. Такое диво связи —
вполне понятно. Я устал гадать:
означить круг потерь — всегда полезней...

Надорвано окно. Босой, озябший почерк.
На подоконнике повис клочок тумана...
«Вчера я слишком рано
успела на вокзал
не жди не опоздай
целую спи прощай
Маркиза Меранвиль»...

Тьфу, про́пасть!

Я порвал. Я отвязал шнурок.
Кто, в наше время, письма пишет, право?..
Письмо взлетело высоко, кивая ветру,
над прусским бывшим городком зарозовело,
опередив восход и обозначив,
что наконец с е г о д н я настает!
Я улыбнулся, я смахнул с лица:
«Ну, будет, будет!..» — было это бред,
напоминало сон.

Я ковырял обивки
цветочек, крымский или итальянский...
как он здесь пророс? —
на аккуратной, пыленькой поляне —
письмо лежало.

III

В пространстве, как всегда, соблюдена небрежность:
вот щель в полу, откуда бьется свет, —
что там внизу? — зловещая пирушка;
но, слава Богу, им не до меня.
Вдруг — спор фальшивый, ссора, голоса
растут, и двери — дерг!

и смех вульгарный:
«Да ну его!» — уходят навсегда.

И так сойдет, мол.

Спят мои предметы,
чужие тени одолжив в былом пространстве...

Как свет погасший тороплив в тени!
И крик трепещет по соседству с горлом! —
так много ужаса в себе содержат вещи
твои, недоказуемо меняясь:
вернувшись — занимают свое место!..

Вот на гвозде совсем мое пальто,
в нем нету человека, и, однако,
враждебным бархатом воротничок подбит,
а тень гвоздя лежит навстречу свету...

Мне мир моих спасений непонятен!

Так испугавшись разных пустяков,
меня предавших столь неуловимо, —
почтовый ящик, найденный внезапно
на месте тумбочки,

меня не удивил,
а даже умилил... Я усмехнулся
и в щель просунул палец.

«Вот и все», —
подумал ровно

и, не разуваясь,
беспечно навзничь лег, закинул руки:
«До потолка возможно ли доплюнуть?» —
Простые мысли в голову пришли:
поставить чайник, марочку отпарить
и дочке подарить.

«Да, да, войдите!» —
И нету никого.

Письмо куда-то делось.
В пыли примятый след, вполне из-под письма —
но нету и его. Сюжет, весьма забавно,
прилег доспать...

Прийти пора рассвету,
а мне зевнуть: как смят конверт постели!
и лампочки подвешена печать
к конверту потолка,
письмом закрыта печка,

потрескался паркет форматами письма...
и шизый голубь сел на подоконник,
где пишется обратный адрес сна.

IV

Научный факт: эпистолярный жанр
нам породил когда-то жанр романа...

Ах, было средство в средние века —
подарок жизни знать и понимать игру:
погибнуть или умереть —
и наслаждаться
свободой выбора из двух,
предпочитая случай...

Как будто им известно было, будто
читали книгу жизни до рожденья
и был известен им при жизни их роман,
написанный про них...

Единственна случайность!

Слова СУДЬБА и СТРАСТЬ про них, про них,
про них!

Для нас, для нас! — театр их движений:
альковный рок, воздушный почерк шпага,
паденья — окончательность... Роман
«Записки голубя почтового» — прекрасен!

V

...Картинка детская: «неверная жена
последним поцелуем сражена».

Старательно плечо обнажено,
падение корсажного цветка
и пленницы махание платка —
для будущих возможностей кино —
вот «птичка вылетит» в темничное окно,
и голубь, крыльями взбивая облака...

Стена монастыря, увитая плющом,
облатка опускается в вино,
в глазах твоих становится темно,

а сталь ревнивая потеет под плащом —
в тени стены, увитой тем плющом,
по лестнице звон шпор и помножение ног...

И силу зрительный здесь набирает ряд
(чтобы успеть наш оператор мог) —
так долог поцелуй прощальных строк...
И стоит жизни — смерти! и стоит риска взгляд
сейчас, сейчас! потом — любезный яд...
Что в этом ритуале — жизни срок?

О, знание, что жизнь идет сейчас!
та невозможность разделения на части,
счастливо называвшаяся «страстью»,
что до сих пор уныло поет в нас:
«Ты?..» — «Я». — «Когда?..» — «Сейчас!» —
вот корень слова «счастье».

А мне пора домой, а мне пора из дома —
дорога «к счастью» хорошо знакома.

VI

Мы будем в прошлом жить! И это суший рай —
сознание, что в будущем ошибку
мы жизни совершили лишь однажды
и хватит.

Жизнь хамит, а смерть — любезна
хотя бы тем, что не пройдет, как боль.
Верна нам смерть, и наша ей измена
не оттолкнет ее. Она — дождетя.
До встречи что осталось? Вечный миг —
промолодеть до первого шлепка
и стать ничем, что смотрит на меня...
с такой любовью...

хуже мне не станет.

24 сентября
Востряково

ПОХОРОНЫ СЕМЕНИ

Хоть что-нибудь додумать до конца! —
Обидней и отрадней нет венца...
Арифметических страстей четыре действия,
а целое число одно — один, один!
Иррациональный бред есть опыт кратной дроби:
двенадцать восемнадцатых... ноль, запятая, шесть...
Шестерок ряд уходит в бесконечность,
вильнув апокалипсиса хвостом...
Хоть раз совсем понять и разделить остаток
на самого себя — такое счастье!
Не жить небрежностью жизни и надежды:
деление на единицу есть реальность...
Смерть — целое число!

Но разуму безумье неопасно —
и иррациональное зерно
ученым учтено
с спокойствием ужасным:
«Ну что же, здесь не сходится всегда».
Так право человека есть свобода
подумать ложно, рядом с мыслью — право.
Так разуму безумье неопасно...

Как будто бы! Есть мера одиночеств,
каких никто не знал, кроме тебя,
хотя бы потому, что их изведать —
и есть задача; шифр ее таит
возможность продолженья, и остаток,
как он ни мал, есть завтрашний твой день.
Каким бы способом Творца загнал Спаситель
иначе продолжать ошибку рода?
Какая, к чорту, логика в Твореньи —
оно равно лишь самому себе!
Нас заманить в себя гораздо легче,
чем в землю семечки... И семя есть мы сами.

Смертелен наш разрыв! Такая пошлость
не понимать, что только в нас есть жизни!
Не нам кичиться бедностью с тобою,

держась за схемы общего удела!
Не отпереть нас рабскою отмычкой
боязни быть отвергнутым... Глаголы
«отдать» и «взять» имеют общий смысл:
ВСЕ не берет НИКТО. ВСЕ никому не надо.
Доставшееся мне... И мера одиночеств —
и есть запас любви, не вскрытый никогда.

Мне надо умирать ежесекундно!
Мне хоронить себя так неопасно,
как разве дерево хоронит семена...
Их подлинно бессмертье: без разрыва
из смерти — жизнь. Таит в себе дискретность
наличие души. Через какие бездны
придется пролететь, чтобы достичь
того, что дереву дано и так. Жалеть
об этом, право, нам не праздно:
однажды перестать стараться быть понятным —
и самому стать тем, что можно понимать.

16 октября
Токсово

VAZ NOCTURNUM

«Ночная ваза» — есть стихотворенье,
что надо выводить как уравнение...
где нынешние дни и прошлые эпохи
равны друг другу, словно выдохи и вдохи.

...Нам суждено, девицу провожая,
площадки обживая этажей
и унижаясь или обижая,
увидеть мир искусных витражей.
(Воспоминание об этом мираже
настигнет на последнем этаже,
где цел еще витраж с фанерной вставкой,
а грация заколота булавкой...)

Условной девы худобы длина
и золото волос зеленого отлива,
напомнив очертанья валуна,
перенесут нас к Финскому заливу...
Пузатой пены лопнут пузыри,
сойдет волна, и кружево отлива
ракушку обнажит, медузы след ленивый
и водорослей клочок... Попробуй, усмотри,
как прямизна крива и как прямое — криво.
Развитый локон линии модерна
природу отразил довольно верно.

Из-за фанерного листа середины века
нам видится яснее, чем тогда;
его начало — окончанье Человека...
И вянет под рукой фригидная звезда.
Мы утомимся этим предприятием
и нежность ложную вручим рукопожатью.

Ах, то, что было, было навсегда!
Никто нам нашу ночку не распишет
и восклицания немого не услышит,
и то, что есть, — не будет никогда.
Лишь брякнет крышкой люк с фамилией купца,
похожей на фамилию отца...

и вэнзеля литая закорючка
напомнит (хоть сравнение примерно)
последнее наследие от реге'а —
ночную вазу или ее ручку,
которая исполнена так нервно!

Да, страшное отсутствие кристалла
есть жизнь! Но и ее не стало.

И нерва нить уныла и сера
напоминает дерево пейзажа,
петровски-мокрого, с названием «Вчера»,
«Сегодня» или «Завтра» — с вернисажа
«Бродячей» там, иль «Голубой Собаки»,
что писан позже, чем Бердслей или Сера,
но ранее, чем скрылось все во мраке.

17 сентября
Невский проспект

II. МЕЖДУ РОМАНАМИ
(1972—1974)

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Оставим этот разговор...
нетелефонный... Трубку бросим.
В стекле остыл пустынный двор:
вроде весна. И будто осень.

Вот кадр: холодное окно,
Ко лбу прижатое в обиде...
Кто смотрит на твое кино?
А впрочем, поживем — увидим.

Вот счастье моего окна:
закрыв помойку и сарай,
глухая видится стена,
и тополь мой — не умирает.

Печальней дела не сыскать:
весну простаивая голым —
лист календарный выпускать,
вчерашний утоляя голод.

У молодых — старее лист...
И чуждый образ я усвою:
что дряхлый тополь — шелестит
совсем младенческой листвою,

что сколько весен — столько зим...
Я мысль природы понимаю:
что козь не умер — невредим.
Я и не знал, что это знаю.

Что стая вшивых голубей,
тюремно в ряд ссутулив плечи,
ждет ежедневных отрубей
(сужается пространство речи!) —

и крошки из окна летят!
Воспалены на ветке птицы:
трехцветный выводок котят —
в законных крошках их резвится.

Вот — проморгали утопить —
и в них кошачьей жизни вдвое;
проблема «быть или не быть»
разрешена самой собою.

Их бесполезность — нам простят.
Им можно жить, про них забыли...
И неутопленных котят
подобье — есть в автомобиле:

прямоугольно и учтиво,
как господин в глухом пальто,
в конце дворовой перспективы
стоит старинное авто.

Ему задуман капремонт:
хозяин, в ясную погоду,
не прочь надеть комбинезон...
В решимости — проходят годы!

Устроился в родном аду,
ловлю прекрасные мгновенья...
В какую ж жопу попаду
я со своим проникновеньем?!

Котьятам — сразу жизнь известна,
авто — не едет никуда,
соседу — столь же интересно
не пожинать плодов труда...

и мне — скорей простят небрежность,
чем добросовестность письма:
максимализм (души прилежность)
есть ограниченность ума

и — помраченье.

Почернели
на птицах ветви. Лопнул свет.
Погасла тьма. И по панели
пронесся мусор. И — привет!

В безветрии — молчанья свист,
вот распахнулась клетка в клетке —
и птицы вырвались, как хлыст,
оставив пустоту на ветке.

Двор — воронен, как пистолет,
лоб холодит прикосновенье...
и тридцать пять прожитых лет —
короче этого мгновенья.

И — в укрощенном моем взоре —
бесчинство ситцевых котят,
и голуби, в таком просторе,
с огромной скоростью летят.

27.05.1972
Невский проспект

ДЯДЯ

Изменившийся простор,
покосившийся забор,
под забором тот же мячик,
на заборе — тот же мальчик...

Серп луны, пустые стекла,
в горле имя пересохло —
покосившийся простор,
постаревший лезет вор.

Под ногою хрустнет палка,
за спиною каркнет галка,
оглянется он окрест —
не узнает этих мест,

отшвырнет сердито щепку,
на глаза надвинет кепку —
и останки мезонина
не узнают господина...

Да, последние полвека
изменили человека.

02.06.1972
Алтекарский остров

БАЛЛАДА 7 АВГУСТА

Однажды, поспорив с женою,
Я вышел в сердцах на крыльцо
И долгою рыжей струею
Рыл землю, подъявши лицо.

Во время ж, пока я мочился,
Меж сосенкою и столбом
Пронзительный знак мне явился
На фоне небес голубом.

Увидел я зарево в клетку,
В небо когда взглянул:
Паук свою рваную сетку
На уровне глаз натянул.

Солнце садилось меж сосен...
Медленно я понимал...
Рыцарь! монах! крестоносец!..
Как он ее обнимал!

Серую лапкой за шею...
(Слабеет любительский стих...)
Плечистый, головкой своею
В груди ее страстно затих.

Толстая, нежная... С лепетом
Сник ее робкий протест.
И вот покорилась с трепетом.
И вот он ее уже ест.

Пускай недостойно поэта...
Но с подлинною тоской
Была их песенка спета
Про женский род и мужской.

И на краю паутины
(Рифмуется «кровь» и «любовь»...)
Будет болтаться хитиновый
Прозрачный мушиный покров.

В этом известном явлении
Увидев особый знак
И не поняв значенья,
Я толковал его так:

Высасыванию причины
Кружением точных слов
Ткачество паутины —
Близкое ремесло.

Наружное пищеварение
Даром нам не пройдет:
Напишется стихотворение —
А время его не ждет.

Путаясь именно с мухами,
Блохами и комарьем,
Наружными, злыми муками
Мы постепенно умрем.

И по законам катарсиса
Пулю себе не отлив,
Максимова или Тарсиса
Судебность не разделив,

В ко'перативной банке
Писатель-паук умрет.
Даже в швейцарском банке
«Время идет вперед!».

Стряхнув предпоследнюю каплю,
В последний раз дернув плечом,
Как в сказке «Лиса и цапля»,
Я молча вернулся в дом.

И молвил: «Не хлопай дверью!
Не хлопай зря дверью, жена!
Каким бы я ни был зверем,
С тобою — одна сатана.

Я наблюдал науку:
Каждый несет свой крест,
И если паук ест муху,
То муха, в конце, его съест.

Я видел: воскресла из мертвых,
Паук же висел недвижим
И толстая, сильная жертва
Победно жужжала над ним.

И нету в сравненье обиды,
Пусть муха ему не жена,
Пускай они разные виды,
Но все же — он и она.

И тихо жена отвечала,
Молча склонясь над шитьем:
«Пойди, вымой руки сначала,
И будем обедать вдвоем».

1972
Рыбачий

ГРАНТУ

Друг мой первый, друг мой черный, за горой...
Наступает час последний, час второй.

За грядой кавказской новая гряда:
Люди, бляди, годы, моды, города.

А за той грядой чужая полоса:
Звезды, слава, заграница, голоса.

А за той границей гладь да тишина:
Чей-то холод, голод, смерть, ничья война.

А за этой тишь-гладью череда:
Никого и ничего и никогда.

А за этой чередой наш черед:
Слово, дело, крах, молчание и лед.

...Твоя мама, моя мама — вот друзья!
Если верить им, то мы с тобой князья.

1973
Теплый Стан

1 НОЯБРЯ 1973 ГОДА В ГОЛИЦЫНО

За ночь время стало дыбом,
Твердь и небо — все одно;
Молчаливый, точно рыба,
Носом тычусь я в окно.

Ветерок стоит качаясь,
Пряжу тонкую сучит;
Баба с ватными плечами
На крыльце ведром стучит;

Все растения распухли,
Ель согнулася в дугу,
И глаза кота, как угли,
Зашипели на снегу.

Нет домов, не стало улиц,
Избы, бочки и стога,
Под сугробами сутулясь,
Погружаются в снега.

До чего ж бесповоротно
Время времени не ждет!
Вверх взлетает снег бесплотный,
А Земля на дно идет.

РАССВЕТ

(Стихи Леночки из повести «Лес»)

Час пятый

Приди скорей и убирайся прочь!
К пяти — рассвет свое наставил дуло.
Туман упал, и воровская ночь
Вслед за тобой за угол завернула.

Часы без стрелок — завожу их вновь,
И аккуратность заменяет точность.
Смерть побеждает, как всегда, любовь...
Но кто кого? Грамматики порочность.

Не бойтесь! больше вашего не дам
За эту жизнь. Не надо сдачи, что там...
Пусть эта мелочь вновь приснится вам
Пред пробуждением. Я — за поворотом.

И слышу плач у гроба своего...
«Явилась наконец?.. Ответ — в конверте».
Иль не пришла... «Хоронят-то кого?»
За гробом нищенкой хихикает бессмертье.

Час шестой

Как будто бы я умер, мир стоял...
В нем не было меня, и понемногу
Он очищался от того, что я
Присваивал, приписывая Богу.

Так чуждо и прозрачно все во всем,
И на глазах последний контур тает.
Деталь случайную на память унесем:
На горизонте дворник рассветает.

Как добродушен и халтурен взмах
Его метлы! Игрушка... Как обидно
Материя мерещится впотьмах:
Сквозь нас видать, коль мне себя не видно.

Концу конец — начало всех начал.
Мир так прекрасен, словно я в нем не был;
Прозрачные значенья не сличал
Со словом... а в начале было Небо.

И будто не бывало здесь меня...
...Лежит строка прощальная в конверте —
Какая чушь! — как будто бы два дня
По почте жить удастся после смерти.

Час седьмой

Беги скорей. Нас взяли на прицел.
Нас окружили ложные понятия!..
Стой до последнего. Пока не жив, но цел,
Ты не прорвешь их ватные объятя.

Вот формула! «Пока не жив, но цел».
Наркоз, эфир, фасованная прана...
Ты опоздала, я же — не успел.
Ты никогда не просыпалась рано...

Приснись себе. На мой немой звонок
Открой босая... Это я. Не рада?..
Не открывай. Взгляни в дверной глазок —
Увидишь отворенной клетку сада.

И нет меня. И будто глубоко
Внизу обрыв. Туман пустой клубится,
Как пролитое мимо молоко...
Твой дом отплыл, отчалил, моя бикса!

А ты осталась на его борту
И смотришь в пустоту припухшим взглядом...
И привкус металлический во рту...
И на лице твоём легка досада.

Ты и не знала, что в саду — обрыв...
Крик петуха застыл там так высоко!
Вниз не смотри... Калиточку прикрыв,
Ступай домой. Расстанемся до срока.

август 1974
Рыбачий

ПРОЗАИКУ-74

Новаторство — подобье лени:
Вперед бежал иль вглубь копал?..
Тебе ль я размечал мишени,
Чтоб ты в них снова не попал?

Быстрее — шагом вместо бега:
Куда и с кем вперегонки...
Что раньше — альфа иль телега?
Всех лучше — старые стрелки.

Из старой пушки — новый выстрел:
Как твой прочел я свой рассказ...
Тебе ль в длину метал я бисер?
А нынче технику броска,

Смерть жанра, гибель атмосферы,
Разоблачение суеты,
Крах гуманизма, кризис веры —
Все это уже знаешь ты.

Я постигал — а ты усвоил...
Дроча, как лампу Аладдин,
Один лишь я был в поле воин —
Ты в этом поле не один.

Меня сменило поколение,
Мне изменяет вещество:
Порок и соль хрустят в колене —
Там отложилось мастерство.

Болит мозоль, скрипит сустав,
И узы отношений ржавы...
На подъездных путях устав,
Мы трогаемся... Как вы правы!

Могу сказать, но неохота,
Хочу молчать — но не могу.
И подступает в порах рвота
Приязни к старому врагу.

Ах, эта польза усвоенья! —
Редает зуб, тусклеет глаз...
И заклеят меня в измене
Стареющий позднее на час!

НОЧНАЯ ВАЗА —

есть стихотворенье,
что надо выводить, как уравненье...
X, Y, Z...
Икс с Игреком прогулку
затеяли.
Чтоб не столкнуться с Зетом,
пришлось им по другому переулку
назад пройти
(о, северное лето!
а Игрек, как назло, легко одета,
дрожит...
и дом свой не узнала сразу...) —
с возлюбленной все выглядит иначе:
и на углу,
так непривычно глазу,
Икс видит вазу...
«Я говорила, Зет вернется с дачи!..» —
отпрянув, плача
прошептала Игрек...

...Зет —

руки в боки,
как большая гиря,
светился за углом белее мела,
возмездием сливаясь с ночью белой,
безвыходный подсказывая способ,
как Игрек защитить,
и изо всех вопросов
и страхов —
на один:
«Ты любишь?» —
«О, всегда!» —
ответил облегченно
Икс Игрек.
Ряд отточий...

О, белая вода
волшебной ночи!

...Но,
между прочим,
Икс Игрек минус Зет
чему-нибудь равно...

Икс — Игрек получил,
Зет не вернулся с дачи,
а все равно
Икс, в виде сдачи,
с его собакою гуляет.
Сеттер Альфа
обходит с Иксом регулярно
в а з у ,
дабы обнюхать и присесть...
Икс Альфу ждет...

Закончить фразу
мы можем лишь изгибом
коварным вазы
из эпохи «мо-
дерн», был русский,
русский был модерн
в начале века.

И, может быть, само
собой, что к ночи
напоминает
ваза
человека...
Хотя — не очень.

17.09.1971
Невский проспект

III. ЧИЗМАДЖЕВИАНА
(1979—1980)

ВРОЗЬ

Д. У.

1. Посвящение

Сапог не одинок —
у сапога есть пара.
Жить одному — порок,
отнюдь не только кара.

И мы два сапога,
нас пара — вот удача!
Но врозь, как два врага,
стоим. Стоим и плачем.

Я в этом изнемог:
холодный, как сапожник,
один над нами Бог,
но две зато таможни.

2. Писание романа

Спит в поселке каждый дом,
Свет лишь в домике пустом...

Тень выходит на балкон,
Издает глубокий стон:

«Синий воздух, белый свет!
Нету счастья, жизни нет...»

Спотыкнулся о порог,
Оросил себе сапог...

«Помрачает меня бес!» —
Некто в домике исчез.

Неудачу дня постиг,
Написал вот этот стих.

Первый прокричал петух —
Свет в том домике потух.

...Наступает новый день,
Жить в котором будет лень.

3. На ненаписание романа

В голове — прозрачная пустыня,
Чистая страница — пистолет...
Смесь чернил и крови в жилах стынет —
Гибнет автор, сорока двух лет.

Жен и деток в жизни не устроив,
Бросив их на произвол судьбы,
Разделить судьбу своих героев
Он спешит... хотя — не надо бы...

Он старался — выразить полнее,
Печень прожигал ему глагол...
Срока сдачи день в окне бледнеет,
Автор пьет из горла холагол.

Ах, зачем он требовал аванса!
Брал взаймы! вымучивал сюжет!..
Но оставил он себе полшанса
На осуществленья — как поэт...

И ему мерещится награда:
«Птица прилетит из-за горы...»*
Не готов он к завершенью ряда,
Не готов он выйти из игры.

4. Письмо

(Подражание арабскому)

Не упрекай меня: упрек —
соблазна полон и жесток.

А. Нувас, IX в.

Лжец премудрый! о, как прав ты!..
Не хочу ни грамма правды.

---

* Загреб (хрв.) — за горой.

Чаша испита до дна...

Ты — одна, одна, одна!

Если не одна, то — вот как:

остается верной водка,

все, кроме нее, вода...

Обмани меня всегда!

Старый дурень, что ты просишь?!

Написал, не сразу бросил...

Два-три дня таскал в карманах,

в ящик его бросит — мама.

Сей измученный конверт

ты получишь лишь в четверг.

Станешь думать о признаньях,

на письмо поставишь чайник...

Пусть тепло его нутра

сохранится до утра.

5. Слайд

Любитель так расположил предметы,
чтоб я не мог понять, насколько ты одета...

Где он, мне ясно: за твоим плечом
(за левым), — что опять же ни о чем

не говорит ревнивому страдальцу
(мне). Слайд, как бабочка, дрожит в неверных

пальцах.

Я щурю глаз сквозь слайд на лампы свет,

с волнением ноздрей — ищейки, взявшей след...

...И вазочка с цветком, и тюбик с вазелином,
и пачка сигарет... — в старании невинном
составить натюрморт — так сдвинуты прилично,
как будто их застучали с полочным...

И тут же зеркальце, в котором, как в окне,
твое лицо,

не влезшее вполне

в его формат продолговатый
(за зеркальцем невидим шарик ваты...) —
все это создает интим этуада,
невидимый для тех, кто не о т с ю д а
глядит,

таясь за гранью и за краем
стола и кадра...

Я не умираю
лишь потому, что в зеркальце лицо
отводит взгляд, и прошлого кольцо
разомкнуто, и угол отраженья
уже не равен... и законы зренья
(твои) спасут, и дуло объектива
любителя, стреляющего криво,
невидимо тебе...

И под углом паденья
отражено в углу — мое ночное бденье.

июль 1979
Токсово

ОТКРЫТОЕ ОКНО, ПЕРЕДЕЛКИНО,
3 часа ночи 25 января 1980 года
(Действительное происшествие)

И он мне грудь рассек мечом...
Свеча горела...

Мой друг сидел, не уходил,
бубнил, как эхо.
И не было взаимных сил,
чтоб он уехал.

А я сидел, а я кивал,
мне было плохо.
Пока он все-таки не встал —
простор для вдоха...

И я, с избытком широко,
раскрыл окошко:
мол, воздух зимний и покой —
не так, мол, тошно.

И отвратительный комок
из одеяла
в пододеяльнике, как мог,
расправил...

Стало

мне легче, тише, я остыл...
И было небо
рассветно-красным и пустым.
Сон сном и не был.

Хотел я выскользнуть в окно
и, в одеяле,
взлетел как целое одно
на пьедестале.

Но воздух зимний охватил
нагое тело,
и я упал на пол без сил.
Такое дело.

Не узнавал себя в зеркаль-
ном отраженьи...
Как труп я на полу лежал,
как в пораженьи.

Тогда приблизилось Оно —
не чорт, не ангел —
как будто бы влетел в окно
пришелец наглый.

Он был невидим, ощутим,
брезглив, печален —
не шестикрылый серафим,
а так — начальник...

И Он за член меня схватил
как для упора.
И потянул, но отпустил
довольно скоро.

К моей груди Он приложил
как будто руки,
проник между костей и жил
с чутьем хирурга.

И было мне в Его тисках
совсем не больно,
когда б не жалкий этот страх:
мной — недовольны...

Я перед Ним лежал как труп,
не в силах всхлипнуть...
И Он нащупал во мне куб,
паралле... пипед.

И Он шкатулочку извлек,
чуть-чуть натужась...
тогда пустой мой кошелек
заполнил ужас.

Как будто бы я сейфом был,
комодом, шкафом...
А Он мне дверцу отворил,
полез за шарфом

или за чем-нибудь еще,
понастоящей...

И вот — нашел иль не нашел?.. —
задвинул ящик.

И впечатленье таково,
по удаленьи:
во мне лежала вещь Его
на сохраненьи...

Поковырявшись, Он исчез,
как снявши мерку,
и за окном шуршал, как лес,
ища тарелку...

Ах, что же сделал Он со мной?.. —
догадка тщится. —
С моей единственной, родной,
Его вещицей?

Кто это был?!.. Проверка, сон,
предупрежденье?
профилактический ремонт?
иль вновь рожденье?

Он удалил или принес?
вложил иль вынул?
вернул, почистив?.. — вот вопрос!
не только символ.

Лежал я, тая, не дыша, —
вершилось дело:
со мной творилась душа,
во мне болела.

Я гладил: Есть или не Есть?
в груди, за дыркой?..
И принимал Ее как Весть,
а не как пытку.

Я прижимал Ее, как тать...
И мы уснули.
Как будто бы хотели взять...
а нам — вернули.

УДАЛЕНИЕ

Ю. А. по поводу отъезда В. А.

Под утро, когда сон некрепок,
увидел я двенадцать кепок.
И был ужасен этот сон,
поскольку неопределен
состав был лиц под каждой кепкой
(я спал, как сказано, некрепко).

И окружили мне постель
с фальшивой робостью гостей:
одно лицо из леденца,
одно лицо из холодца,
одно вареное лицо,
одно крутое, как яйцо,
одно светилось насквозь,
а между глаз был вогнан гвоздь,
одно в три стороны равно,
а три сливаются в одно,
лицо, как моль,
лицо, как соль,
все вместе — как зубная боль.
(Но кепка каждого — одна,
она у каждого видна.)

И этот стройный, зыбкий ряд
над спящим мною час подряд
и сокрушался и кивал,
а я как будто так лежал,
лежал, как спал,
лежал, как плыл,
лежал я — из последних сил,
расшатываясь в боли редкой
(как лепка черт под каждой кепкой...)
И вот один, шагнув вперед,
за всех раскрыл всеобщий рот
и, кепку натянув поглуше,
до подбородка смявши уши,
сквозь кепку ватно объявил:
КОНСИЛИУМ ПОСТАНОВИЛ!

«Поскольку ты давно нас драчишь
И с нами по пути не хочешь,
И в след способен отвалить,
ТЕБЯ ИЗ ЗУБА УДАЛИТЬ!»

(И долго их я умолял...)

7 июля
Невский проспект

ВОЗБЛАГОДАРЕНИЕ

Н. Г.

Приблизительно через год после смерти он явился во сне, достаточно вещем. На вопрос о том, сколько мне осталось, он, подумав, выкинул два пальца. Срок истекал 25 июля 1980 года.

Кто может знать, при слове «расстоянье»,
Какое время разделяет нас?
И когда пробил мой последний час,
Я Вам назначил наконец свиданье.

Я был способен на такую подлость,
Что, Вашим же ключом открыв замок,
Я в дом к Вам вполз и лег, как «рабунок»,
В районе сердца ощущая — область.

И, подводя последнюю черту,
Лишь в этом, дважды не своем жилище
Я показался сам себе не лишним
Средь толщи книг, которых не прочту.

И надо же, чтобы в последний миг,
Диван как ложе, иль как одр, освоив,
Средь сверхнаучных, недоступных книг
Евангелье найти под головою.

И я раскрыл его к исповеданью...
Не ведал я, что в тот же миг ко мне
Путем, неисповеданным вполне,
Приблизилась не смерть, а — наказание.

Не важно, как приходит воскресенье
И как к нам откровенье снизошло —
Мне грудь живою жизнью обожгло,
И я — убийством справил новоселье!

Чужая жизнь меня развеселила,
И, умертвив поддюжины клопов,
Я к смерти оказался не готов,
И вдохновения во мне проснулась сила.

И понял я, ко вкусу не взыскаю,
Что клоп, живущий в Книге Бытия,
Не более кощунственен, чем я,
Что обращаюсь к Провиденью всеу.

*24 июля
Петропавловская улица*

ПАМЯТИ ВЫСОЦКОГО

С дороженья горечь хины
Я познал как жизни вкус:
Выжить — нам важнее кино-
И любых других искусств.

Начинал я — то, что надо! —
С глада, хлада и свинца,
Но на жизнь мою блокады
Не хватило до конца.

Недоумер и от водки,
Не свалился со стропил,
И не сделалась короткой
Та, где я страдал и пил.

И кирпич не откололся
Ни один мне промеж рог,
И на нож не напоролся —
В этом тоже виден рок.

Потрясет лишь лихоманка,
Да помучает прострел...
Не сгорел я вместе с танком
И без танка — не сгорел.

И хотя не ведал броду,
Изживал в себе раба,
Но не умер за Свободу —
Ждал Судьбы, но не Судьба...

От разлуки, от печали,
Горя, боли и стыда —
Раз не умер я вначале,
Значит, больше никогда.

Горстка образного праха
Эти смерти... Знали б вы!
Как не умер я от страха...
Как не умер от любви!

В жизни, как звезда успеха,
Светит нам частица «не»:
Я не умер, не уехал
И не продался вполне.

Глубже истины не выдашь
И не превзойдешь умы:
«Раньше сядешь — раньше выйдешь»,
«От тюрьмы да от сумы...»

Дом казенный — свет в окошке —
Нас в обиду нам не даст.
Недомучит понарошке,
Через век переиздаст.

Я не умер, я не умер,
Я не умер... вот мотив!
Неужели это в сумме
Означает, что я жив?

28 июля

НОЧНОЙ ГОРШОК

(Воспоминание о Рыбачьем)

Анне

И вот отлив... Среди мочалок тины
Выклеваю зерна янтаря.
Вдыхаю тлена запах непротивный
И время провожу свое не зря.

Бежав от суеты, системы и обид
В сень, мне любезную, — прекрасного пейзажа
в упор не вижу... Мне по силам вид —
Бутылки, поплавка, ракушки, пробки, скажем.

Мир за моей спиной, и мир вокруг меня,
И я в нем заключен, как следствие в причине,
Как выброшенный морем бытия
Тот янтарек. Как муха в паутине.

Последнее вниманье истребя
На гребешке волны, на доньшке отлива,
Что мне найти еще внутри себя?..
Остановись! взгляни на гладь залива!

Там солнце и лазуры! Там парус и крыло!
Там не куриный — Бог! Там все, чем мы не нищи...
Здесь — лодочный скелет, обглоданно весло,
Оборванная снасть, бочоночные днищи...

Здесь сон обуглился, как яви бахрома...
Ночной горшок слепит на солнцепеке.
Он бел, как кость, и чист, как смерть сама, —
В нем ничего ночного и в намеке!..

То тень иных богатств, наследственный настой
Из Стивенсона или Робинзона...
И я нашел горшок. Он полон пустотой.
И я забыл, что это погранзона.

«Стой! кто идет?» И ты встаешь, как штык,
Как лист перед травой, стыдясь своей добычи.
Ты нарушать законы не привык
В одних трусах, среди знаков и отличий.

Они тебя простят, они тебя поймут,
Они отпустят, лишь прогонят с пляжа...
Лишь посмеются... даже не пугнут,
А ты придешь домой, и ты на койку ляжешь...

И будешь думать ты о том же, все о том,
Что есть и есть они, а нас как будто нету,
Что жизнь свою на берегу пустом
Нельзя воспринимать за чистую монету.

15 августа
Невский проспект

IV. НАМЕРЕНИЕ ЖИТЬ
(1981—1982)

НАМЕРЕНИЕ ЖИТЬ

1. Архалук

Сюртук мальчика
С модной вытачкой...
Тоньше пальчика
В фалде дырочка.

В эту дырочку
Мы глядим на свет:
Нам на выручку
Кто придет иль нет?

Был один сверчок
На Всея Руси...
Наступил молчок —
Господи, прости!

2. Непротивление злу бессилием

На жизнь свою испытывая право,
Лишь погружаюсь в долг и отклоняюсь вправо.
И, лишь повергнув право свое в прах,
Я снова жив и вновь для жизни прав.

Кому преподан Пушкина урок!
И красота уж не спасет, не так ли?
Непротивленья не пошло нам впрок...
Кому помогут чеховские капли?..

По капле изживать в себе раба —
Судьба рабу, свободе — не судьба.
Хоть все же лучше зоны и погон —
Цедить на воле этот самогон.

3. «Дух праздности унылой...»

...Имел терпение и многое сносил.
И вынести готов. Мне ничего не надо.

Казалось бы... Лишь дай однажды сил,
Чтобы я мог не «получить награду
свою...» «Но дай мне зреть
свои, о Боже, прегрешенья...»
Вся жизнь прошла или осталась треть?..
Моя решимость — но Твое решение.

4. Белле

На смерть Ю. Казакова

Меж сосен переделкинских, меж двух
Блуждая, вокруг великого соседства,
Листает ветер, по складам и вслух,
Пустые страницы литнаследства.

Там у Нейгауза как раз в кустах рояль,
А у тебя окно горит навстречу...
Чья пауза в словах: «А все-тки жаль...»?
Чьи все-таки слова: «Еще не вечер»?

«Милбелл! Дракоша!» — кто тебя так звал?
Твои ль слова: «Жаль... что поделать, гений!»
Мои ль: «Когда его не признавал,
Я был Иосифу намного современной»?

Посланье Лоренцу от нас... где ни строки
Разборчивой... Чтоб перещелк наш птичий
Переиначить было не с руки...
Вот так! Ни комментарий, ни притчи,

Что во языцех... С ними же помрех —
Не весь я оживу! В бессмертной своей части
Избегнув признанного тления для всех,
Останусь между нами — что за счастье!

1825-Й ГОД

(Из книги «Вычитание зайца»)

Н. М. Г.

1. Обзор лирики

ЗИМОЙ: «Письмо любви! прощай: она велела.

Как долго медлил я! как долго не хотела

Рука предать огню... пылают — легкий дым...

Желаю славы я, чтоб именем моим

Твой слух был поражен... мой талисман, храни

Меня во дни гонения, во дни...»

(Посвящено разлуке с Воронцовой:

«Сожженное письмо», «Желанье славы» (новой...)

ВЕСНОЙ: «глава... падет... мой незрелый гений

Для славы не свершил возвышенных творений;

Я скоро ВЕСЬ умру». (Со строчки сей проценты

Начислим на последний monumentum:

«Нет, ВЕСЬ я НЕ умру...») В ту ОСЕНЬ он пророчит:

«Я НЕ умру, — (в письме), — Бог не захочет,

Чтоб «Годунов»...

(Меж этих двух прозрений

Есть ЛЕТОМ «мимолетное... как гений...»

Мгновенье чудное...)

Лицейское, осень,

«Отрадное свиданье», как виденье

То, мимолетное...

Полнее... наливайте...

Стакан!.. «до дна, до капли выпивайте!»

Полней, полней! ты, солнце! ты, заря!

Но за кого? о други, возгоря...

Увы... Ура, наш царь! «наш круг... редеет;

Кто в гробе спит, кто, дальный, сиротеет;

Судьба глядит...»

Страданье, мрак, мечта,

Мысль, ревность лиры, мщенья красота —

«Все в жертву памяти» — изгнанье, славы блеск... —

Все той же воспаленной девы...
«Мне скучно, бес».

«Что делать...»

«Что делать...»

2. Перед 14 декабря (не ранее 7 ноября)

Фауст: Все утопить.
Мефистофель: Сейчас.

...Вообразим опальный домик...
В нем трость железная и Вальтер Скотта томик;
Перо! гусиное... и детская кровать,
Где, с тем пером, любил поэт поспать.
Какие сны!.. — лишь Гамлет растолкует...
Голубка дряхлая за стенкою воркует.

Он не хотел вставать. Ему неясно было,
Как новый день начать. Ему было постыло
Поутру пробивать в кадучке тонкий лед,
Из самовара пить и есть все тот же мед.

Седлать коня!.. — от праздности несносной
Хотел он ускакать. Но ветер дул поносный*
И шляпу сдул. И обломился ноготь,
Что холил он... Он сел. Придется трогать.

Конек был не Бог весть. Здесь лучше без меня
Опишет сам он резвый бег коня,
Треск, звон и блеск... Они хандру развеют.
Одно бесспорно: всадник был резвее.

Аршин двух с небольшим. Лет — двадцати шести.
И гений в остальном. У власти не в чести.
Окончен «Годунов». Не лучше у Шекспира.
Нет Байрона... Почтенна Гёте лира.

Обрыдло здесь — и осень не прекрасна.
С Европой кончено. Не пустят. Что ж так страстно
Себя опережать? На площади «народ
Безмолвствует» на сотню лет вперед.

Бессмысленно. Выходит первый сборник.
Друзья обречены. А он... слуга покорный!
Не выйдет... Почитать им «Годунова»...
Успеть... к цыганам?.. Начинай все снова!

---

* Рифма А. П.

Пять лет прождал... Пора в бега пуститься,
Коль до свободы — час и до конца — страница!
Не «Фауст», а «Кучум» или «Ермак» —
Поэма долгая — на добрый четвертак.

«Ай, Пушкин! Сукин сын!» Сомкнуться со своими,
Единственным путем спасая честь и имя?
В Америку удрать? Жениться всем на зависть?..
...Ему наперерез слепой стремится заяц!

Вот смелый человек! Без страха и упрека.
От зайца убежать!.. Нам не постичь урока.
Он будущее знал... И, соскочив с лошадки:
— Мне скучно, бес, — сказал. — Одни и те же
прятки!

— Что делать, Пушкин?

— Будет тебе, будет.

Сгинь, сатана! а я — как Бог рассудит.
(Был Гёте жив, и не прочитан «Фауст»...
Здесь нету рифмы, кроме — «преступает»).*

3. Памятник

Конец истории о том, как вдохновенье
Есть способ личности избежать раздвоенья...

...Заложат сани, кучер будет пьян.
Навстречу поп — еще в Судьбе изъян.
Тут заяц выбежит, и — никаких сомнений! —
Михайловское — лучше поселений.

Он, как по нотам, повернет коня...
Так вот кто жил, Судьбе не изменяя!
И бесы ничего поделать не могли.
(Я вновь не посетил тот уголок земли...)

Пустынный сеятель! Придет еще пора!
(Которой так давно прийти пора.)

---

* Рифма А. П.

Отыщут перекрестье тех дорог,
Где Заяц поспешал к тебе в сто ног,
Воздвигнут обелиск...

О, как это красиво!
КОСОМУ — БЛАГОДАРНАЯ РОССИЯ

ПОСЛЕ КРЕЩЕНИЯ

Человек в пейзаже

Закат не ведал, как он красен был,
Морская гладь не для себя серела,
Не видел ветер, как он гладь рябил,
И дерево на это не смотрело.

Они стояли, в ночь заточены,
Незримы для себя, свища, пылая,
Ни световой, ни звуковой волны
Не изучив, но ими обладая.

Не знало небо, что луна взошла,
Что солнце скрылось. Темнота густела.
Вокруг незнанию не было числа.
Никто не знал. И в этом было дело.

Ничто не для себя на этом берегу.
Зарозовела в небе птица... Что мне?
Куда бежал? Запнулся на бегу,
Один во всем — и ничего не помню.

Тень облак, сосен шум и шорох трав,
Напрягши ветер, вечер чуял кожей...
И умирал. И, «смертью смерть поправ»,
Опять вознесся и опять не ожил.

Кого свое творенье веселит?
Кто верует в себя? Кому ключи от рая?
И волосы — лишь ветер шевелит
У дурака, что зеркальцем играет.

Кто строит дом — не тот в дому живет.
Кто создал жизнь — не ищет смысла жизни.
Мысль свыше — не сама себя поймет.
И путник сам себя в своем пути настигнет.

июль 1982

Батум

Лестница

(Шестой рассказ из «Улетающего Монахова»)

Ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал.

Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою.

Из книги, найденной Алексеем

Протоптал дорогу к Богу,
видно, трудную дорогу,
почти к самому порогу —
долгий путь.

Что-то — для конца маршрута,
здесь ступени слишком круты,
очертания их смутны —
лег передохнуть.

Отдышался — вдоль ступеней
в ряд стоят родные тени,
пустоваты, не при теле —
и туннель насквозь.

Это что же за загадка:
слева дедка, справа бабка? —
бабка с дедкой врозь.

Это что же за загвоздка:
справа дядька, слева тетка... —
и зовут...

— Вы меня?.. родные, здрасте,
что за ужасы и страсти?
почему вы лишь отчасти?
что вы тут?

— Подымайся пободрее,
поднимайся побыстрее,
обнимайся поскорее —
успевай!

— Я сижу здесь не из лени:
слишком круты здесь ступени,
слишком дует из туннеля —
здесь не рай...

— Ничего, теперь не бойся,
ни о чем не беспокойся,
потихонечку устройся —
здесь приют.

— Что за странная погода!
Что у вас за время года?
Как сурово! Нет природы —
птицы не поют...

— В вечность перехода нету:
песен нет, все песни спеты;
нету тьмы и нету свету...

— Это ад?..

— Света нет, зато нет тьмы:
нет богатства, нет сумы;
нет свободы, нет тюрьмы...

— Виноват!

еще ноги мои целы,
еще руки мои белы,
еще жизнь не надоела!.. —
взяли бы в расчет!

— Ты не слишком хочешь много?
ты искал дорогу к Богу?
ты нашел к Нему дорогу?
что тебе еще?

— Я искал дорогу к Богу,
лишь к порогу,
лишь в подмогу —
а не к Самому!

Я не в этом смысле к Богу,
а в том смысле, что дорогу...
Не судите слишком строго.
мне не по уму...

— Как с живым с тобой нет сладу;
сила есть — ума не надо, —
здесь не рай, зато нет ада,
ада нет почти;
нету ада, нету рая —
не сухая, не сырая
здесь лишь яма долговая —
и плати!

— Ничего я здесь не должен!
Я не лягу в это ложе!
Я свой путь сейчас продолжу!.. —
и — застыл...

Силы нет назад вернуться,
обернуться,
оглянуться, —
нету сил.

— Видно, все же подкосила
меня жизненная сила,
видно, духу не хватило —
меня ждут...

И не так круты ступени,
и не так прозрачны тени,
ноги будто опустели —
сами вверх идут.

Видно, впрямь дорога к Богу —
слишком длинная дорога,
слишком дорого и много...

Господи, прости!

Значит, время свое справил,
значит, я уже отчалил,
значит, я уже причалил...

Боже, пропусти!

Бог сказал: твои печали...
и сказал: все так кончали...
и сказал: все так вначале...
проходи.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПОСЛЕ РОМАНА (1971)

Конспект романа	8
Даме, желающей мне понравиться	10
Смерть невесты:	
1. Черновик	11
2. Подстрочник	11
Четверг	14
Последний случай писем	16
Похороны семени	21
Vaz Nocturnum	23

II. МЕЖДУ РОМАНАМИ (1972—1974)

С грузинского	26
День рождения	27
Дядя	30
Баллада 7 августа	31
Гранту	34
1 ноября 1973 года в Голицыно	35
Рассвет	36
Прозаику-74	39
Ночная ваза	41

III. ЧИЗМАДЖЕВИАНА (1979—1980)

Врозь:	
1. Посвящение	44
2. Писание романа	44
3. На ненаписание романа	45
4. Письмо	45
5. Слайд	46
Открытое окно, Переделкино	48
Удаление	51
Возблагодарение	53
Памяти Высоцкого	55
Ночной горшок (<i>Воспоминание о Рыбачьем</i>)	57

IV. НАМЕРЕНИЕ ЖИТЬ (1981—1982)

Намерение жить:	
1. Архалук	60
2. Непротивление злу бессилием	60
3. «Дух праздности унылой...»	60
4. Белле	61
Пейзаж	62
После крещения	66
Лестница	67

**В поэтической серии «Автограф», издаваемой
«Пушкинским фондом», вышли следующие сборники:**

- 1. **Б. Ахмадулина.** Ларец и ключ
- 2. **В. Салимон.** Невеселое солнце
- 3. **И. Лиснянская.** После всего
- 4. **Ю. Кублановский.** Памяти Петрограда
- 5. **И. Бродский.** В окрестностях Атлантиды
- 6. **Н. Кононов.** Лепет
- 7. **А. Пурин.** Евразия и другие стихотворения
- 8. **Е. Шварц.** Песня птицы на дне морском
- 9. **С. Гандлевский.** Праздник
- 10. **В. Гандельсман.** Там на Неве дом...
- 11. **В. Дроздов.** Стихотворения
- 12. **Л. Лосев.** Новые сведения о Карле и Кларе
- 13. **А. Цветков.** Стихотворения
- 14. **Д. Новиков.** Караоке
- 15. **И. Жданов.** Фоторобот запретного мира
- 16. **Т. Кибиров.** Парафразис
- 17. **Е. Шварц.** Западно-восточный ветер
- 18. **Б. Ахмадулина.** Созерцание стеклянного шарика
- 19. **В. Салимон.** Красная Москва
- 20. **В. Зельченко.** Войско
- 21. **Б. Кенжеев.** Сочинитель звезд
- 22. **А. Битов.** В четверг после дождя

Все книги серии тиражом до 1000 экземпляров.

Для приобретения указанных сборников обращайтесь
в издательство по адресу:

191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда».

Информация по телефону: (812) 273-37-24
факс: (812) 273-52-56

Б 66

Битов А.

В четверг после дождя (Дневник прозаика).

Стихотворения. — СПб.: «Пушкинский фонд», 1997. — 72 с.

ISBN 5—85767—109—7

ББК 84. Р7

Серия выпускается при участии Просветительско-издательского объединения ДЕАН+АДИА-М СПб., 191025, а/я 298, тел.(812) 164 52 40 тел/факс (812) 164 52 85 E-mail: igor@adia.spb.su

Битов Андрей Георгиевич

В четверг после дождя

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 1997

Редактор *Г. Ф. Комаров*

Корректор *В. Г. Комарова*

ЛР № 030 448 от 10 ноября 1992 года

Издательство «Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Подписано в печать 27.04.97г.

Формат 60х84 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 4,5. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз. Зак. № 174.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии "Полиграфический центр"
190000, г. Санкт-Петербург, Прачечный пер., д. 6
тел./факс 812 315 3310